

Амиль Садруллин

След, оставленный Чаадаевым в сознании русского общества, – такой глубокий и неизгладимый, что невольно возникает вопрос: уж не алмазом ли он проведён по стеклу?

О. Мандельштам

ДВЕ тоненькие книжки. По современным меркам скорее брошюры. В мягких обложках. Изданы в Казани в 1906 году. С непривычными для нас названиями – «Философические письма» и «Апология сумасшедшего». Почему не просто «философские», как теперь? Во времена написания этих книжек, в 20–30-е годы XIX века, в русском языке использовались оба эти слова. Можно было писать и говорить, к примеру, «философский факультет», «философский камень», а тексты, написанные тем или

История

Произведения русского философа и публициста впервые переведены с французского языка, на котором были написаны, на русский и изданы в Казани

Чаадаев и Казань

другим автором, называть «философическими». Так, известные по современным изданиям «Философские повести» Вольтера обозначались при их переводе на русский язык именно как «философические».

Больше вопросов вызывает название второй книжицы. Апология – старый жанр. Устное или письменное оправдание, защита, восхваление. Кого-то или чего-то. Кем-то. Классический пример – «Апология Сократа», составленная Платоном. Существует целая система апологий, защищающих, например, религиозные догмы, и называется она апологетикой. А здесь у нас «сумасшедший», не кем-то защищаемый, а сам защищающийся. Не пародия ли это? И ещё. Обе книжки – переводы с французского. При русском-то, как выяснится позже, авторе?

Издания, о которых пошла речь, – книжные редкости, хотя в своё время они выходили значительными тиражами. В широко известном книжном собрании Н. Смирнова-Сокольского в Музее книги (Российская государственная библиотека) их нет. В Казани же они представлены в библиотеке имени Лобачевского при федеральном университете и в Национальной библиотеке Татарстана.

Автор названных выше книг – Пётр Яковлевич Чаадаев (1794–1856). Имя его нам известно со школы. Ему адресовано послание Пушкина, которое завершается словами: «...И на обломках самовластья напишут наши имена!» Пушкин ещё два послания адресовал Чаадаеву. Он называл его «единственным своим другом» и просил в числе «самых необходимых предметов для жизни» прислать ему в Михайловское, куда был сослан в 1824 году, портрет Чаадаева.

Многие обстоятельства способствовали образному восприятию Чаадаева, легендам о нём, возникновению флёра загадочности, связанного с его именем. Резкий профиль, высокий лоб, прекрасные формы черепа. Лицо, излучающее достоинство, силу ума и характера, как

бы созданное, по словам Ф. Тютчева, для художественной миниатюры. Участник Бородинского сражения. Талантливый офицер, внезапно отказавшийся от блестящей военной карьеры. «Декабрист без декабря» (во время восстания находился за границей). Православный, симпатии которого были на стороне католицизма. Русский философ с основными своими произведениями на французском языке, с фамилией тюркского происхождения (от *Чагатай* – «честный», «храбрый», «искренний» – имени, широко распространённого среди тюркских народов). Чаадаева любили даже самые решительные его идейные противники. Тютчев говорил о нём: «Человека, с которым я согласен менее чем с кем бы то ни было и которого, однако, люблю больше всех». Как полагают исследователи, Чаадаев оказался прототипом ряда образов русской литературы (в частности, у Грибоедова, Достоевского).

Личность Чаадаева вплетена в его философию, пребывает в единстве с ней. Философия определила жизненную судьбу Чаадаева, а также место, занятое им в истории. Воздействие Чаадаева на всю последующую мысль оказалось велико. Н. Бердяев называл Чаадаева «первым русским философом истории» и в книге «Русская идея», имея в виду первое из его философских писем, утверждал: «Вся наша философия истории будет ответом на вопросы в письме Чаадаева».

В течение семидесяти лет, начиная с 1836 года, сочинения Чаадаева запрещено было издавать в России. По Манифесту от 17 октября 1905 года цензура с повременных (то есть периодических) изданий была снята, но за книгами – оставлена. Запрет на издание Чаадаева таким образом не был снят, и всё-таки его сочинения вышли в Казани в виде отдельных изданий, прошедших предварительную цензуру. Как такое стало возможным, кто принимал в нём участие, какое значение для распространения идей Чаадаева это имело? – обо всём этом нам предстоит погово-

К Чаадаеву

Товарищ, верь:
 Взойдет уже,
 Звезда мнительного
 счастья,
 Россия впрямь
 отто снес,
 И на облаках
 самоблаговъ
 напишут наши
 имена!

А.С. Пушкин,
 1818

Чаадаева про
 должать считать
 умалчинными
 и за таковыи
 иль медико-
 помилейский
 надзор.
 Николай I,
 1936

★ Меня часто называют будущим,
 и я никогда не отрицался от этого
 званья...
 П. Чаадаев, 1836

рить подробнее. Но вначале не обойтись без, хотя бы и краткого, рассказа о том, как был запрещён Чаадаев, как складывалась судьба его сочинений до казанских публикаций на русском языке.

* * *

В 1836 году в 15-м (октябрьском) номере журнала «Телескоп», издаваемого в Москве, вышла статья «Философические письма к Г-же ***. Письмо первое». Без указания автора и в переводе с французского. Угадать имя автора не составляло труда. Им был Пётр Чаадаев. Писать на французском – значило тогда писать на языке Европы. Он имел, как когда-то латинский, функции международного языка. Философская терминология в нём была достаточно чётко разработанной. Многие русские писатели и философы – к примеру, Тютчев, Герцен, В. Соловьёв – в своих сочинениях и письмах широко пользовались им. Адресат письма, обозначенный звёздочками, – Панова Екатерина Дмитриевна, знакомая Чаадаева с 1827 года. Но письмо ей не посылалось. Известный в литературе жанровый приём.

Сочинение Чаадаева, написанное в 1829 году, ещё до своего выхода в свет читалось в обществе по рукописным копиям. Ни автор статьи, ни издатель журнала Н. Надеждин, ни цензор А. Болдырев никак не предвидели, что за состоявшейся публикацией последует. Сомнения Надеждина в её целесообразности Чаадаев развеял уверениями в том, что его статья уже известна власти и не вызовет её недовольства. Болдырев же – востоковед, профессор и ректор Московского университета, доверившись Надеждину и только поверхностно ознакомившись с рукописью, разрешил её к печати.

Но в России того времени существовало заметное различие в формах существования мысли: в бесцензурных рукописях, в виде слов, произносимых в устном разговоре в салонах, кружках и т. п., и в виде печатном, прошедшем

предварительную цензуру и тем самым освящённом властью. Амбивалентность сознания, сохранившаяся до сих пор. Письмо вызвало всеобщее негодование. Даже друзья, которым содержание письма было известно ещё до его появления в печати и которые в основном разделяли мысли Чаадаева, в большинстве своём отошли от него. Чаадаев подвергал сомнению традиционные и кажущиеся незыблемыми ценности: историю России в изложении и оценках Карамзина, чувство безотчётного и так близкого всем патриотизма, уверенность в превосходстве родных форм жизни над западными и, что оказалось особенно болезненным для общественного мнения, место и роль пассивного православия в русской жизни, которое, к примеру, поддерживало крепостничество, и которому он противопоставлял католицизм, способствовавший, с его точки зрения, социальному прогрессу в странах Запада. Первым против Чаадаева ополчилось общество. Оно жаждало того, чтобы автор статьи был наказан. И строго. По примеру Радищева или декабристов.

Решение, принятое Николаем I 22 октября 1836 года, оказалось неожиданным и по-своему разумным, так как снимало вопрос о возможном обсуждении идей Чаадаева. Он был объявлен сумасшедшим. Ему запрещалось писать, покидать московскую квартиру. Прикреплённый к нему врач должен был ежедневно посещать «больного». Доклады о состоянии его здоровья еженедельно отправлялись в Петербург. Было запрещено публиковать что-либо из писаний Чаадаева и вообще упоминать в печати его имя. Журнал «Телескоп» был закрыт. Из его экземпляров, доступных для власти, вырывались страницы со статьёй Чаадаева. Такая операция была проведена, к примеру, и с номером «Телескопа», хранящимся в библиотеке Казанского университета. Редактор журнала Надеждин был сослан в Усть-Сысольск (Сыктывкар). Болдырев лишился постов цензора и ректора университета.

Уже в следующем, 1837 году, большинство из запретов, наложенных на Чаадаева, было снято. Возвратили ему часть арестованного ранее архива. Медицинский контроль над его здоровьем был приостановлен. Он начинает работать над рукописью «Апология сумасшедшего». Восстанавливается круг друзей. Чаадаев становится желанным завсегдатаем московских аристократических салонов. Однако главное – запрет публиковать его сочинения и обсуждать в печати опубликованное им – сохранилось. Идеи Чаадаева, как надеялась власть, ожидало забвение. Но этого не произошло.

Возвращение имени Чаадаева в русскую печать началось в 1856 году с извещения в газете «Московские ведомости» о его смерти, наступившей 14 апреля. Затем последовали воспоминания, записки и статьи о нём, публикации некоторых из его писем. Чаадаев включается в главы книг по русской истории, литературе, общественному движению. Но удивляет то, что растущее внимание к Чаадаеву обходится без изданных на русском языке его произведений. Чаадаев по своим сочинениям остаётся известным лишь сравнительно узкому кругу исследователей и читателей. Только революция 1905 года и вызванное ею послабление цензуры привели к возможности издавать Чаадаева. Но о том, как это началось и началось впервые в Казани, речь пойдёт после нескольких слов о судьбе его литературного наследия.

По завещанию архив Чаадаева перешёл к М. Жихареву, его двоюродному племяннику, который пытался, но из-за цензурных препятствий безуспешно, начать издавать оказавшиеся в его руках сочинения. В частности, «Апология сумасшедшего», подготовленная им вместе с Н. Чернышевским к публикации в первом номере журнала «Современник» за 1861 год, была запрещена цензурой. Убедившись в невозможности публиковать сочинения Чаадаева на родине, Жихарев вывозит их за границу и передаёт И. Гагарину, который

с 1835 года был знаком с Чаадаевым, но покинул Россию в 1843 году и жил в Париже. Он издаёт их в книге с названием «Tchadaieff Pierre. Oeuvres choisies, publiees pour la premiere fois par le Pere Gagarin. Paris-Leipzig. 1862». В сборнике, составленном Гагариным, были три из известных теперь восьми философических писем Чаадаева, а также «Апология сумасшедшего», статья «Об архитектуре» и часть других материалов, полученных им от Жихарева. Все они на французском языке, то есть на том языке, на котором были написаны Чаадаевым. Именно из этого издания Гагарина брались тексты произведений Чаадаева, которые в переводах на русский язык были впервые опубликованы в Казани.

* * *

Казань эпохи революции, начавшейся в 1905 году, сильно отличалась от той, какой она нам видится теперь. Не станем рисовать её в отвлечённом, лишённом жизни воображении. То, что будет сказано о ней далее, основано на исторических и в основном архивных документах. Естественно, в образе Казани того времени отразится прежде всего то, что, по мнению автора статьи, создавало условия для издания сочинений Чаадаева.

Мне, человеку, который большую часть своей жизни сторонился архивов, пришлось, в связи с изданиями у нас Чаадаева, вести поиски материалов и в нашем Национальном архиве. Помнится толстый фолиант из прошений, поступивших в канцелярию Казанского губернатора М. Стрижевского в 1906 году. Сотни просьб – разрешить приобрести гектографы, пишущие машинки и другую множительную аппаратуру, издавать газеты и журналы. На русском, татарском, чувашском, марийском языках. Открывать книжные лавки, библиотеки. Не только в Казани, но и в Козьмодемьянске, Чистополе, Тетюшах, Мамадыше. Читальные избы в деревнях. Прошения исходили от мещан,

купцов, интеллигенции, духовенства и даже от крестьян. Революция сопровождалась настоящим информационным взрывом. Удивительная тяга к просвещению! В разных слоях населения. Романтические надежды на свободное слово.

В «Адресной книге г. Казани», изданной в 1906 году, есть раздел «Книжные склады, магазины и лавки». В нём обозначены четыре книжных магазина на улице Воскресенской (Кремлёвской) и отдельно антикварный книжный магазин на Большой Проломной (Баумана). Кроме того, в Казани были четыре лавки, торгующие книгами. Названо также число лавок с продажей книг на арабском и татарском языках. Их – десять. Перечисляются действующие типографии и литографии – семнадцать. По своей полиграфической оснащённости, по объёму издаваемой печатной продукции, числу газет и журналов Казань входила в первую пятёрку российских городов. А по изданию книг, распространяемых среди тюркских народов страны, она была лидирующим в России городом.

Революционное движение в Казани было особенно активным и организованным в студенческой и вообще молодёжной среде. С конца 1905 по 1906 год в Казанском университете неоднократно повторялись сходки студентов. С требованиями не только реформировать содержание и формы образования, но сменить и власть в стране. Причём занятия в университете неоднократно приостанавливались. Не стану повторять уже известное по студенческому движению в Казани начала прошлого века. Приведу лишь один пример того, как революционность проникала даже в средние учебные заведения. Казанский полицмейстер А. Васильев 5 сентября 1906 года направил губернатору рапорт: «4 сего сентября ученики 4 класса Казанского Реального Училища после второго урока (в 11 часов дня) заперлись в классе и не допускали преподавателя для занятий, а также пели «Марсельезу» и другие революционные

песни. В 12 часов дня названный класс был отпущен домой, после чего ученики тихо и в порядке разошлись по домам». Официальный документ, но, не правда ли, в оригинальном, образном стиле написанный.

Ещё одно обстоятельство, которое возрождало интерес к Чаадаеву, к переводам и публикации его произведений в Казани. Это становление в Казанском университете философской школы, сочетавшей в себе академический рационализм с социальной направленностью. Нечто подобное было и в философии Чаадаева, в которой гармонично переплетались умственное и нравственное начала. Философы университета А. Васильев, Е. Бобров, В. Ивановский, историк М. Хвостов актуализировали свои исследования применительно к реальной жизни, к социальным движениям своего времени.

Выше речь шла о так называемых объективных условиях, при которых издание Чаадаева в Казани стало возможным. Но только их было недостаточно. Возможность была реализована волей и действиями отдельных людей, которые до начатого ими общего дела были практически мало знакомы друг с другом. В том, как такое происходило, немало случайного и интересного. И оно заслуживает, с точки зрения пишущего эту статью, своего изложения.

Что нужно для того, чтобы книга, написанная автором, была издана? Как всегда – финансирование, редактор, издатель и переводчик, в случае его необходимости. Сказано верно, но отвлечённо. Если готовится к изданию запрещённая когда-то книга, если продажа её может не окупить потраченные средства, если лица, причастные к её выходу в свет, могут понести наказание, – это уже конкретная, а не просто стандартная ситуация. Именно в такой ситуации различного рода рисков издавались книги Чаадаева. Предварительная цензура, хотя и не отменённая полностью, была сильно ослаблена. Нередко книги издавались, минуя цензуру, в так называемом «явочном» порядке. Но уже

после своего выхода они могли быть запрещены «карательной» цензурой, а издатели их наказаны. Решением суда. Власть действовала по афоризму, который любили повторять её представители: «издавайте что хотите, мы будем сажать». Только с 17 октября 1905 по 1 января 1907 года были подвергнуты заключению в тюрьму, штрафам и другим взысканиям более шестисот редакторов и издателей России.

Инициатором издания сочинений Чаадаева в Казани и человеком, который финансировал его, был Константин Гронковский. Это имя не встречается в научной и другой литературе о Чаадаеве. Его нет в наших энциклопедиях, а также в Википедии. Последующий рассказ о нём строится на сведениях, почерпнутых автором статьи из Национального архива нашей республики. К. Гронковский приехал в Казань в самом начале 1903 года. Родился он в 1868 году в городке Кременец Волынской губернии в семье майора войска русского Болеслава Гронковского. Поляк, католик. Закончил университет в Цюрихе (Швейцария), в котором в 1896 году получил степень кандидата ветеринарных наук. Цюрих того времени – известный центр русской политической эмиграции. Идеи М. Драгоманова и М. Бакунина о федерализме как форме государственного устройства в их приложении к Украине и Польше в составе Российской империи оказали серьёзное влияние на формирование взглядов Гронковского. После Цюриха Гронковский занимался научными исследованиями в университете Тюбингена и Зоологическом институте Мюнхена. Судя по отзывам профессоров, руководивших его научной деятельностью, он демонстрировал хорошие способности. Каковы были цели его приезда в Казань, можно только предполагать. Ведь ему здесь многое пришлось начинать заново. Сдавать экзамены за курс гимназии, чтобы поступить в университет. Затем учиться в университете, на двух факультетах одновременно, ни один из которых в конечном счёте так и не удалось ему закончить. Но

Гронковский – активный участник революционных сходов студентов Казанского университета в 1906 году.

Ещё до Манифеста 17 октября 1905 года, ослабившего цензуру, Гронковский издаёт в Казани работы П. Лаврова, Л. Мечникова, А. Шапова. В первые же месяцы после Манифеста – ряд запрещаемых до этого произведений Драгоманова, английского поэта XVII века Д. Мильтона о свободе печати и, наконец, Чаадаева. Пик издательской деятельности Гронковского пришёлся на 1906 год. Вскоре после этого она вообще прекращается. Возможные причины – не только реакция, наступившая после спада революции, но и, по всей вероятности, изменения в его материальном положении. Все свои издания он временно мог финансировать по идейным, а не коммерческим соображениям за счёт доходов от «американского магазина» на Воскресенской улице Казани, которым он, по сведениям полиции, владел.

В октябре 1907 года Гронковский просил допустить его к испытаниям на звание учителя немецкого языка, что говорит о возможном к этому времени его разорении как предпринимателя. Последнее сведение о Гронковском, имеющееся в нашем архиве, относится к марту 1910 года. Он получает свидетельство о завершении курса образования на медицинском факультете Казанского университета и допуске к государственному экзамену. Этим правом он, скорее всего, не воспользовался, потому что его имя среди выпускников Казанского университета не числится.

Книги Чаадаева печатались в типографии Д. Грана, которая была расположена на Гостинодворской (Чернышевского) улице. Имя Грана практически неизвестно в литературе. Сведения о нём в Национальном архиве нашей республики тоже очень скудные. Гран, Давид Маркович (до 1906 года значился в документах под отчеством Мордкович), как и Гронковский, был в Казани приезжим. В одном из архивных

документов говорится, что он иудей, «происходит от детей Николаевского солдата и приписан в общество Самарских мещан». Приехав в Казань в самом конце XIX века, Гран начинает в 1900 году с открытия фотографического ателье и постепенно становится владельцем одной из известных типографий в Казани. Здесь и были напечатаны сочинения Чаадаева. Около десятка запрещённых ранее книг вышли из типографии Грана с конца 1905 по 1906 год. Их издание финансировалось, как правило, Гронковским.

Подготовкой сочинений Чаадаева к изданию – подбором переводчиков, редактированием, включением в книгу Чаадаева «Философические письма» дополнительных материалов и другими вопросами – занимался Ивановский, Владимир Николаевич (1867–1939). Его отцом был профессор Казанской духовной академии. Имя В. Ивановского вошло в Большую советскую энциклопедию, а также в Татарский энциклопедический словарь. Это даёт нам возможность ограничиться в этой статье лишь описанием того конкретного вклада, который он внёс в издание Чаадаева.

С 1904 по 1912 год В. Ивановский работал доцентом на кафедре философии Казанского университета. Помимо оригинальных исследований, которые велись им в области философии, Ивановский задумал и начал осуществлять проект под названием «Философская библиотека». Выпуск серии книг и брошюр по философии, предназначенных в первую очередь для студентов. По примеру Московского и некоторых зарубежных университетов. В библиотеку должны были войти как переводные, так и отечественные книги. В план первого выпуска были включены Р. Декарт, Д. Беркли, Д. Юм, Э. Махв переводах А. Васильева и самого В. Ивановского, а также К. Гронковского и Г. Денике. В этом же ряду оказались и сочинения Чаадаева, переведённые студентами Казанского университета Б. П. Денике и С. М. Юрьевым.

В. Ивановский допускал сосуществование разных переводов одного и того же произведения. В своём тексте с названием «Философская библиотека», включённом им наряду с другими в книгу «Философические письма», Ивановский писал: «Многочисленность переводов способствует более глубокому изучению писателя, так как каждый перевод открывает в нём всё новые черты, новые оттенки. Поэтому не только совершенно естественно то, что у нас есть два перевода «Критики чистого разума», но жаль, что нет ещё третьего и четвёртого переводов: ведь, например, 1-й части «Фауста» Гёте существует по-русски, если не ошибаюсь, около десяти переводов. Поэтому мы и включили в нашу серию новые переводы уже имеющихся на русском языке сочинений Беркли и Юма».

Длинная цитата. Но она нашла здесь место, так как содержание её близко автору этой статьи. Различные переводы сочинений Чаадаева, выполненные студентами Казанского университета и М. Гершензоном, неизвестным автором, и опубликованные почти в одно время (с 1906 по 1908 год) – свидетельство того, как активно стало осваиваться философское наследие Чаадаева на его родине. Причём с разных позиций. Переводы студентов по лексике, конструкции фраз, эмоциональной окрашенности, по всему тому, что было в унисон с революционным энтузиазмом молодёжи, заметно отличались от переводов Гершензона, академических по замыслу, рассчитанных на возможно точное воспроизведение оригинала. Если какой-то из этих двух вариантов перевода исключается из поля нашего внимания, в частности, первый из них, как теперь это происходит, то тем самым обедняется реальность того, в каких различиях воспринимался Чаадаев в начале прошлого века.

Реализовать свой проект Ивановскому удалось лишь частично. Вышли только три книги из планируемых десяти. Две из них – сочинения Чаадаева. В марте 1906 года он обращался с

письменным прошением к совету историко-филологического факультета поддержать финансирование его проекта. Большая часть профессоров не поддержала инициативу Ивановского. Поэтому он отозвал своё ходатайство и далее действовал как частное лицо. Начал искать инвесторов для издания уже подготовленных к печати книг классиков философии. Но безуспешно. Не вся классика интересовала и Гронковского, которому Чаадаев был ближе актуальностью своих сочинений, возможностью трактовать их в революционном духе. Именно Гронковский, по словам Ивановского, инициировал и оплачивал издание «Философических писем» Чаадаева.

Переводы Чаадаева были поручены В. Ивановским студентам, хотя французский стиль Чаадаева, по его замечанию, чрезвычайно труден для перевода. Но таков был его замысел: поручать переводы книг, включаемых им в «Философскую библиотеку», в основном студентам или бывшим студентам Казанского университета. В их числе оказались братья Борис и Георгий Денике, а также Сергей Юрьев – студенты университета, ещё не завершившие курс образования. Денике Борис Петрович (1885–1941) закончил историко-филологический факультет, получил впоследствии известность как востоковед. Его имя значится в Большой советской энциклопедии. В 1908 году арестовывался за участие в неразрешённой студенческой сходке. Его брат Георгий переводил не Чаадаева, а брошюру немецкого учёного М. Феворна «Современное мировоззрение и естествознание», которая была также издана Гронковским в марте 1906 года. Он закончил тот же, что и брат, факультет и был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию по всеобщей истории. Юрьев Сергей Михайлович (1884–?) – уроженец города Заинска, переводил «Апологию сумасшедшего» вместе с Б. Денике, будучи студентом медицинского факультета университета. В апреле 1906 го-

да он был арестован за активную революционную деятельность и сослан в Астраханскую губернию. Окончить университет ему удалось только в 1912 году.

Казань начала прошлого века – город, полный различий. В нём соседствуют разные нации, языки и религии. Много ссыльных поляков. Особенно в университете. Население города пополняется и множеством тех, кто приезжает по экономическим, культурным и другим соображениям. В Казани высятся православные храмы, мечети и католический костёл. В этом контексте, возможно, не будет выглядеть алогичным следующее соображение. Первое издание Чаадаева на русском языке, предпринятое в Казани, было осуществлено людьми, представлявшими разные религии: К. Гронковским, В. Ивановским и Д. Граном. Такое именно в Казани оказалось возможным и случилось. Если даже читатель воспримет сказанное только как метафору, то следующее – реальность. Чаадаев был близок к тому, чтобы представлять себя человеком надконфессиональной (общечеловеческой) религии. Вслед за ним это будут делать из известных русских философов и писателей В. Соловьёв и Л. Толстой.

* * *

Издание сочинений Чаадаева в Казани было приурочено к 50-летию его смерти – 14 апреля 1906 года. Первой вышла «Апология сумасшедшего» в переводе С. М. Юрьева и Б. П. Денике под редакцией В. Ивановского и напечатанная в типографии Д. Грана. Её поступление к продаже анонсировала газета «Казанский телеграф» 2 февраля 1906 года. Почему «Апология сумасшедшего», написанная после «Философических писем», была издана первой, можно объяснить тем, как она оценивалась Гронковским. В написанном им предисловии к изданию говорилось: «Апология сумасшедшего» – лучшее и сильнейшее произведе-

ние Чаадаева». Вряд ли с Гронковским можно согласиться, но основания и для такого суждения есть. В «Апологии» Чаадаев кратко и относительно простым языком изложил идеи, прозвучавшие в первом из его писем, и объяснил, почему они вызвали неприятие у большей части общества. К примеру, именно в «Апологии сумасшедшего» он сформулировал следующее и до сих пор вызывающее споры понимание патриотизма: «Любовь к родине – вещь прекрасная, но есть кое-что и повыше – любовь к истине. ...Я не научился любить свою страну с закрытыми глазами, с покорно опущенной головой, с безмолвными устами. Я нахожу, что можно быть полезным своей стране лишь под условием чуждого предубеждения взгляда на неё; я думаю, что время слепой любви прошло, что теперь прежде всего родине нужна правда».

«Философические письма» в переводе Б. Денике под редакцией Ивановского и напечатанные также в типографии Грана, поступили в продажу в конце апреля 1906 года. Сообщения об этом появились в газетах. В «Казанском телеграфе» от 27 апреля и «Волжском вестнике» от 30 апреля. При этом «Казанский телеграф» выделил своё объявление укрупнённым шрифтом, отличающим «Философические письма» от других продаваемых книг. А объявление «Волжского вестника» было помещено накануне 1 Мая. На одной странице с лозунгами «Да здравствует 1 Мая!», «Да здравствует социализм!» и др. Оно было повторено в этой же газете 3 мая. Показательно и следующее: произведение Чаадаева было издано в ярко-алой обложке. Маркер «летучей» революционной литературы, выделявший её в массе множества других изданий.

Кроме известных к тому времени трёх философских писем Чаадаева и его статьи «Об архитектуре», в книгу был включён ещё ряд материалов, имевших отношение к его личности и творчеству. Среди них – отрывок из «Былого и дум» А. Герцена. Впервые без

цензурных изъятий. Герцен в виде развёрнутой метафоры описал в нём то, каким неожиданным и глубоким оказалось впечатление, произведённое на русское общество первым философским письмом Чаадаева, опубликованным в 1836 году в журнале «Телескоп». «...Письмо Чаадаева было своего рода последнее слово, рубеж. Это был выстрел, раздавшийся в тёмную ночь; тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли то сигнал, зов на помощь, весть об утре или о том, что его не будет – всё равно, надо было проснуться. ...Письмо Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию. Оно имело полное право на это». Чтобы понять метафору Герцена, по которой письмо Чаадаева – «выстрел, раздавшийся в тёмную ночь», – надо представить себе, какой стала страна за десять лет после казни одной части декабристов и ссылки в Сибирь – другой. Она была в молчании, в страхе за свободное слово, в духовном оцепенении.

Другие материалы, вошедшие в это издание Чаадаева, способны привлечь внимание далеко не каждого современного читателя. Но для историка, философа, изучающего личность и философию Чаадаева или готового приступить к этому, они, несомненно, интересны. Статья В. Ивановского о Чаадаеве – короткое, но одно из лучших, по мнению автора этой статьи, исследований начала прошлого века. Переведённое с французского предисловие И. Гагарина, которым открывалось осуществлённое им издание сочинений Чаадаева в 1862 году. «Биографические сведения о П. Я. Чаадаеве». Это список литературы о Чаадаеве, вышедшей с 1836 по 1906 год. В нём всего сорок три издания. И это за семьдесят лет. Теперь же он трудно исчислим.

Обе книги Чаадаева, о которых идёт речь, прошли казанскую цензуру. Хотя по Манифесту цензура и отменялась, она в Казани в 1906 году продолжала всё ещё действовать. Казанский цензурный комитет возглавлял историк Пинегин, Михаил Николаевич (1865–1935). Выпускник Казанского университета.

В истории книг, вышедших с позволения цензуры, была своя особенность. Часть из них в качестве так называемых «обязательных экземпляров» поставлялась в ряд государственного значения библиотек страны и некоторые другие учреждения. В нашем Национальном архиве есть документы, подтверждающие то, что положенное число экземпляров из сочинений Чаадаева, изданных в Казани, было отослано для этих целей в Москву. Они тем самым получили статус книг, подлежащих хранению в фондах больших библиотек. Ими могли свободно пользоваться как исследователи, так и обыкновенные читатели. Удивительно: оказывается не всё, что делала цензура, имело, как мы привыкли думать, лишь отрицательные последствия.

Изданные в Казани произведения Чаадаева доходили до массового читателя. Был разомкнут круг их недоступности. «Апология сумасшедшего» была издана тиражом в 2 тысячи экземпляров, а «Философические письма» – в 5 тысяч. Даже по современным меркам это достаточно высокие тиражи. Они продавались не только в Казани, но и в книжных магазинах известной фирмы «Труд» в Санкт-Петербурге на Невском проспекте и в Москве – на Тверской улице. По дешёвой стоимости. Первая в 20 и вторая в 50 копеек. Они попадали и в частные библиотеки. Следующий пример замечателен. Казанские издания Чаадаева осенью 1906 года поступили и в Яснополянскую библиотеку Л. Толстого, где они хранятся и теперь.

* * *

О самой философии Чаадаева в этой статье почти ничего не говорилось. Она – отдельная тема. И о ней так много написано. Передо мной интересный сборник «П. Я. Чаадаев: Pro et contra. Антология», изданный в Санкт-

Петербурге в 1998 году. В 877 страниц. В основном – дискуссионный материал, разные интерпретации Чаадаева. А сколько статей другого типа и книг о нём! Их тысячи. В том числе и на иностранных языках. Чаадаеву посвящены целых две книги из серии ЖЗЛ. Редкий случай.

Интерес к Чаадаеву обострялся в переходные исторические для нашей страны эпохи. В начале 1860-х, в революцию 1905–1907 годов, во время перестройки в Советском Союзе и начала его распада. Когда пробуждалось общественное сознание, погружённое до этого в сон, когда начинали пересматриваться ставшие традиционными понятия и ценности, когда жизнь вступала в спор со старыми догмами.

Современник Чаадаева, создатель неевклидовой геометрии Лобачевский (1792–1856) в 1826 году публикует в Казани свой знаменитый трактат «О началах геометрии». Он открывается словами: «Кажется, трудность понятий увеличивается по мере их приближения к начальным истинам в природе...» Лобачевский доказал, что геометрия Эвклида объясняет природу лишь на одном, доступном ей уровне. И он предложил новые, более «трудные» уровни, чем те, к которым мы привыкли, представил понятия, которые, однако, позволяли стать ближе «к начальным истинам в природе». Первое из «Философических писем» Чаадаева было написано в 1829 году, то есть всего на три года позже трактата Лобачевского. Не о влиянии здесь речь. О совпадениях в типе мышления. Чаадаев, как и Лобачевский, но уже в гуманитарной сфере мысли подверг пересмотру такие фундаментальные, но застывшие в своей привычности понятия, как нация, прошлое, настоящее и будущее, придал им движение, приблизив их к природе современного человека.

